

Не осталось ни одного неповреждённого места. Это было древнее поле битвы, где боевые кличи ещё не смолкли, место, где спустя годы будут лежать кости.

Это было болото, поглощающее всё.

Падая в него, ты вызываешь волны, которые превращаются в цветы кровавого моря.

Все звуки исчезли — ни ветра, ни шелеста травы, ни рыка демонических зверей. Человек, скрывавшийся в тени, уже ушёл. Здесь осталась только она.

В полубессознательном состоянии она услышала знакомый голос.

Наверное, это тоже было иллюзией, — подумала она. Летающий меч неуверенно опустился, его острие вонзилось в кровавую землю.

Когда её нога уже почти коснулась свободно текущей крови, её тело вдруг стало легче.

Кровь и зловоние быстро исчезли, и сила, обернувшаяся вокруг её талии, оторвала её от земли.

Это была чья-то рука.

Она упала на летающий меч и подняла взгляд, встретившись с парой глаз, чуть более светлых, чем у обычных людей.

— Почему ты не обращаешь на меня внимания? — Чжун Минчжу нахмурилась, осматривая её, но вскоре на её лице появилась улыбка.

Она провела рукой по её лицу и руке, и светло-зелёный свет духовной силы стёр кровь и мелкие раны.

Затем она услышала, как Чжун Минчжу произнесла:

— Хм.

Летающий меч снова поднялся.

Нефритовая табличка была снова повешена на её пояс, а Чжун Минчжу выбросила что-то, что ещё сохраняло следы своей изначальной белой шерсти, и тихо пожаловалась:

— Шкура этой ласки была довольно хорошей, жаль, что её испортили.

Дымка медленно поднималась из курительницы. Это был аромат, смешанный с семью видами духовных трав, и его лёгкий лекарственный запах заполнил каждый уголок комнаты, создавая атмосферу умиротворения, граничащего с сонливостью.

Женщина в белом сидела на кровати, её глаза были закрыты, длинные ресницы слегка дрожали в такт её медленному дыханию, словно крылья бабочки, готовые взлететь после дождя. Её белоснежная одежда была безупречно чистой, а волосы, собранные в хвост, струились по прямой спине, переплетаясь с тканью одежды. Чёрное и белое, смешиваясь, оставались при этом чётко разделёнными.

Вокруг кровати была установлена целительная формация, зелёный свет вился вокруг, а звёздные искры непрерывно проникали в тело женщины. Однако её лицо по-прежнему оставалось бледным, даже губы были лишь слегка розовыми, словно неокрашенная кукла.

Чжун Минчжу подперла голову рукой, другой рукой постукивая по краю столика. Её взгляд блуждал по этой не слишком большой комнате, скользя по прочным балкам из наньму, по резным головам зверей на курильнице, по теням, танцующим под светом свечей. Она внимательно осмотрела каждый уголок, даже посчитала количество колец на дереве, и в конце концов её слегка светлые глаза остановились на спокойном лице Чан Ли.

Каждый раз её блуждающий взгляд в конечном итоге останавливался на одном и том же месте, словно это был предел.

Хотя это было лицо, которое она помнила до мельчайших деталей, и она могла с лёгкостью нарисовать его, оно казалось ей чем-то большим, чем просто тёмными чернилами.

Они расстались менее чем на два месяца, но встреча казалась вечностью.

Раны уже зажили, не оставив и следа, но каждый раз, когда она вспоминала о них, в глазах Чжун Минчжу появлялась тень неконтролируемой ярости.

Чан Ли получила лишь несколько поверхностных ран, но её духовная сила была истощена до предела — она израсходовала всю свою духовную силу, а возможно, и физическую, и умственную. Если бы Чжун Минчжу не подхватила её на летающий меч, она бы упала в ту лужу крови, как выброшенная вещь. Но она, казалось, не обращала на это внимания. Даже если бы она упала в пыль в самом жалком виде, в её чёрных глазах не появилось бы ни капли волнения.

В тот момент, когда она обняла Чан Ли, Чжун Минчжу даже подумала, что та уже мертва. Она знала, что Чан Ли жива — у неё была температура, сердцебиение, дыхание, и её зарождающаяся душа не была повреждена. Но у Чжун Минчжу было странное ощущение, что она обнимает мёртвого человека.

Как они посмели!

Это была первая мысль, которая, словно наводнение, захлестнула её разум, не оставив ни единого уголка.

«Они» были просто символом. Она не знала, кто они, но она знала, что кто-то должен заплатить за это.

Случайно или намеренно, возможно, это был один неосторожный поступок, а может, заговор десяти или даже сотен — неважно кто.

В тот момент ярости, охватившей её, возникла мысль, и она, поддерживая окровавленную белую фигуру, глубоко посмотрела в эти, казалось бы, пустые чёрные глаза.

Затем её брови разгладились, и на её лице появилась улыбка, словно она нашла облегчение.

В этой, казалось бы, пустоте она увидела свет.

Он был мимолётным, но его было достаточно, чтобы доказать — то, что она видела в тот день, не было иллюзией.

Это была забота, связь, единственное тепло.

Постукивание пальцами замедлилось и, наконец, остановилось. Она прищурилась, и в её

слегка холодных глазах появилось что-то, что можно было назвать радостью.

Чан Ли восстанавливалась несколько дней, и всё это время она находилась в этой комнате.

Сначала это была лишь смутная мысль, но с каждым лёгким дыханием в комнате она становилась всё яснее, пока не превратилась в уверенность.

Она знала, что это было. Она знала, во что это превратится.

— Чан Ли... — имя, которое она часто произносила в мыслях, стало привычным, словно драгоценный камень, скатывающийся с её языка.

Она помнила, как однажды спросила, почему её великий учитель дал ей такое имя. На самом деле она уже слышала причину от Дин Линъюнь, она просто хотела заговорить, чтобы заставить молчаливую бессмертную Чан Ли заговорить. Чан Ли же ответила ровным голосом:

— Не знаю.

Даже Дин Линъюнь, девушка из далёкого Города Юньчжун, могла объяснить это, а она сама не знала. Чжун Минчжу на мгновение застыла, а затем рассмеялась, смеясь до слёз.

Феникс, король всех птиц, обитающий на дереве ву, также известен как Чан Ли, а феникс связан с огнём. Имя Чан Ли изначально символизировало пылающее пламя. Но на этой женщине в белом не было и следа огня, даже малейшего тепла. Она была холоднее, чем куча дров, промокая под дождём три дня. Тогда Чжун Минчжу считала имя Чан Ли шуткой.

Теперь же она наконец увидела искру этого пламени. Она нашла это интересным и трогательным.

Она не могла не произнести снова эти два слова, вызывающие зуд и жар в её сердце:

— Чан, Ли...

— ...Ты должна звать меня учителем. — Голос, который она не слышала много лет, раздался неподалёку.

Сначала он был тихим, словно невнятный шёпот, но затем стал чётким, как прямая линия.

Чжун Минчжу подняла голову, услышав этот голос, и посмотрела в эти искренние, ничем не скрытые чёрные глаза. Она слегка наклонила голову, и лёгкий смешок вырвался из её горла. Пауза в постукивании пальцами закончилась, и она снова начала стучать по краю столика, в такт с дрожанием ресниц Чан Ли.

Лю Ханьянь пропала, Е Чэньчжоу всё ещё находился в беде, а долина, заполненная трупами, была ужасающей.

Слишком много загадок находились совсем рядом.

Найдя Чан Ли, она не сказала ни слова, а просто закрыла глаза и начала восстанавливать силы. Лун Тяньли ушла по срочному делу, а остальные были в замешательстве, терпеливо ожидая, когда Чан Ли очнётся.

Теперь, когда Чан Ли пришла в себя, Чжун Минчжу должна была сразу же сообщить остальным — после необходимых вопросов о её состоянии, быстро выяснить, что произошло, и

решить, что делать дальше.

Это было слишком важно, чтобы допустить малейшую ошибку.

Но Чжун Минчжу сидела на месте, не двигаясь, не собираясь никого искать и не задавая никаких вопросов.

Ни слова о том, восстановилась ли её духовная сила, или о том, как она себя чувствует.

Она просто продолжала постукивать пальцем, разглядывая Чан Ли, и улыбка распространялась в её глазах.

Эти дела были крайне важны, но что с того?

Она была в безопасности, Чан Ли была в безопасности, а всё остальное могло подождать.

— А если я всё-таки буду звать тебя Чан Ли? — она улыбнулась.

И как только она это произнесла, в глазах Чан Ли появилось задумчивое выражение. Она знала, о чём та думала, поэтому заранее дала ответ:

— Десять раз переписать правила секты, три года подметать — в общем, не так уж и плохо.

В Секте Тяньи награды и наказания были чётко определены. За такое неуважение нужно было вручную вырезать десять кусков синего камня, переписать правила секты десять раз и подметать вершину своей горы три года.

— Почему? — спросила Чан Ли.

Она была так серьёзна, что Чжун Минчжу вспомнила тот вечер, когда Чан Ли так же серьёзно спросила её, почему она смеётся.

— Потому что я хочу.

Она всё ещё была той же самой своенравной личностью, поэтому её ответ был таким же, как и тогда.

<http://bllate.org/book/16292/1468791>